

Семинар 3. Отечественная война 1812 г. – война нового типа

ИЗ “ДНЕВНИКА ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ 1812 ГОДА” Д. В. ДАВЫДОВА¹ [Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1940. С. 207–210]

Неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда – и сами не ведали. Но, чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно взять выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, неприкосновенные неприятелем, не мало представляли нам препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним и на защиту православных церквей. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас². Мы могли бы обходить селения; но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля, почему с каждым селением продолжались переговоры до вступления в улицу. Там сцена переменалась; едва сомнение уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги подносимы были солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей по заключении между нами мира: “Отчего вы полагали нас французами?” Каждый раз отвечали они мне: “Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одёжу схожо”. – “Да разве я не русским языком говорю?” – “Да ведь у них всякого сбора люди!” Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде³. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая⁴ и заговорил с ними языком народным.

Но сколь опасности сии были ничтожны перед ожидавшими нас на пространстве, занимаемом неприятельскими отрядами и транспортами! Малолюдность партии в сравнении с каждым прикрытием транспорта и даже с каждою шайкой мародеров; при первом слухе о прибытии нашем в окрестности Вязьмы, сильные отряды нас ищущие; жители, обезоруженные и трепещущие французов, следственно, близкие нескромности, – все угрожало нам гибелью.

Дабы избежать ее, день мы проводжали на высотах близ Скугорева, скрытно и зорко; перед вечером, в малом расстоянии от села, раскладывали огни; перейдя гораздо далее, в месте,

---

¹ Д. В. Давыдов (1784–1839) незадолго до сражения при Бородино предложил через генерала П. И. Багратиона командующему русской армией М. И. Кутузову (1745–1813) использовать партизанские действия против тыла и коммуникационной линии армии Наполеона. Отряд Давыдова сначала состоял из 130 человек, затем сильно увеличился. Действия отряда были весьма успешны. Давыдов практиковал и вооружение крестьян для борьбы с французами. По типу отряда Давыдова вскоре образовались новые отряды Фигнера, Сеславина и других.

² За два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тектярского казачьего полка, состоящую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка. Сии те самые крестьяне напали на отставшую мою телегу, на которой лежал чемодан и большой гусар Пучков. Пучкова избили и оставили запертым на дороге, телегу разрубили топорами, но из вещей ничего не взяли, а разорвали их в куски и разбросали по полю. Вот пример остервенения поселян на врагов отечества и вместе с сим, бескорыстия их (прим. Д. В. Давыдова.).

³ Но не писать слогом объявлений Растопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием, а известно, что письменные люди немалое имеют влияние над безграмотными, даже и в кабаках (прим. Д. В. Давыдова.).

⁴ Во время войны 1807 года командир лейб-гренадерского полка Мазовский носил на груди большой образ св. Николая чудотворца, из-за которого торчало множество маленьких образков (прим. Д. В. Давыдова.).

противном тому, где определяли ночлег, раскладывали другие огни и, наконец, войдя в лес, проводжали ночь без огня. Если случалось в сем последнем месте встретить прохожего, то брали его и содержали под надзором, пока выступали в поход. Когда же он успевал скрыться, тогда снова переменяли место. Смотри по расстоянию до предмета, на который намеревались учинить нападение, мы за час, два или три до рассвета подымались на поиск и, сорвав в транспорте неприятеля, что по силе, обращались на другой; нанеся еще удар, возвращались окружными дорогами к спасительному нашему лесу, коим мало-помалу снова пробирались к Скугореву.

Так мы сражались и кочевали от 29-го августа до 8-го сентября. Так, полагаю я, начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся для тирана, а не за отечество. Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И прежде, и после я был в жестоких битвах, проводжал ночи стоя, приклонясь к седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей сряду, и дело шло о жизни, а не о чести.

Узнав, что в село Токареве пришла шайка мародеров, мы 2-го сентября на рассвете⁵ напали на нее и захватили в плен девяносто человек, прикрывавших обоз с ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись разделением между собою добычи, как выставленные за селением скрытные пикеты наши дали нам знать о приближении к Токареву другой шайки мародеров. Это селение лежит на скате возвышенности у берега речки Вори, почему неприятель нисколько не мог нас приметить и шел прямо без малейшей осторожности. Мы сели на коней, скрылись позади изб и за несколько сажень от селения атаковали его со всех сторон с криком и стрельбою, ворвались в средину обоза и еще захватили семьдесят человек в плен.

Тогда я созвал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского; роздал крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих: “Примите их, – говорил я им, – дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что Бог повелел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины.

Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае, берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей, недавно вскопанной земли; для того набросайте на него кучу камней, бревен, золы или другого чего. Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее, – все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас всех побьет и село соожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень много французов, сядились бы на лошадей и скакали бы врознь искать меня, – я приду к вам на помощь. Бог велит православным христианам жить мирно между собою и не выдавать врагам друг друга, особенно чадам Антихриста, которые не щадят и храмы божи! Все, что я вам сказал, перескажите соседям вашим”.

Я не смел дать этого наставления письменно, боясь, чтобы оно не попало в руки неприятеля и не уведомило бы его о способах, данных мною жителям для истребления мародеров.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 451–454)

---

⁵ День вступления французской армии в Москву. Но мы о том не знали (прим. Д. В. Давыдова.).

ИЗ МЕМУАРОВ И. Д. ЯКУШКИНА⁶
[Записки И. Д. Якушкина. М., 1926. С. 11]

Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: “Ну, слава богу, вся Россия в поход пошла!” В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 444)

ОТРЫВКИ ИЗ “ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ” ЗА 1812 г.

[Фельдмаршал М. И. Кутузов: Сб. док-тов и мат-лов. М., 1947. С. 194–196, 202–203]

26–27 сентября [8–9 октября] 1812 года

...Занимаемый ныне армиею укрепленный лагерь на правом берегу Нары при Гарутине позволяет отделять от оной значущие партии, которым предписано иметь в виду не токмо истребление неприятельских мародеров и фуражиров, и обеспокоивание неприятеля, но которые силою своею должны быть в состоянии наносить ему чувствительный вред, который ему в настоящее время будет тем ощутительнее, что он претерпевает сильнейший недостаток в фураже и в провианте, простирающийся до того, что в неприятельской армии, по единогласному уверению пленных, употребляют в пищу лошадиное мясо, невзирая на то, что мяса еще более у них имеется, чем хлеба.

Первая партия под командою генерал-майора Дорохова, состоящая из 5 баталионов пехоты, 4-х эскадронов Елисаветградского гусарского полка и двух казачьих полков при 8 орудиях. Сверх того полковнику князю Вадбольскому с вверенным ему отрядом предписано соединиться с генерал-майором Дороховым и состоять в его команде. Партии сей назначено, истребив неприятельские укрепления в Верее, действовать по пространству между Гжатью и Можайском.

Второй партии, под командою артиллерии капитана Фигнера, предписано действовать между Можайском и Москвою.

Третья партия поручена адъютанту его высочества полковнику князю Кудашеву, коему (с 500 казаками) дано направление на Серпуховскую дорогу, где сделав над неприятелем поиски к стороне Подольска, стараться обойти неприятельскую армию и соединиться с партией капитана Фигнера.

Все разосланные партии хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют между собою непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска – генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы – капитан Фигнер. Удачные нападения на неприятеля и множество пленных, достававшихся сим начальникам в то время, когда они имели малые токмо отряды, ручаются за верный и надежный успех, который им ныне предстоит, тем более, что теперь партии их противу прежних гораздо сильнее, и что они, как вышеупомянуто, находятся между собою в связи и действуют согласно, по одному плану и к одной цели...

---

⁶ Декабрист И. Д. Якушкин в чине подпрапорщика, а затем прапорщика Семеновского полка участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813–1814 гг.

...Неоднократно уже являются крестьяне из многих селений близ мест расположения армии находящихся, испрашивая усиленно ружей с патронами для защиты от неприятеля. Они уже истребили их не малое число и при всякой встрече, решительно нападая на врагов, не сходят с места, не разбив оных совершенно. Между прочим казенные крестьяне Боровского уезда слободы Каменской соединились под присягою для общего своего защищения с тем, что положено жестокое наказание на случай, если бы кто из них оказался трусом или бы изменил друг другу. По мере возможности просьбы сих почтенных крестьян удовлетворяются и им дают ружья и пистолеты...

3–5 [15–17] октября 1812 года

...Адмирал Чичагов доносит, что Волынская губерния войсками нашими от неприятеля очищена, который во время преследования нашего отступал повсюду. На дороге находились разломанные его повозки, разбитые бочки и палые лошади, что все доказывает поспешность его к удалению; в течение сего времени взято нами пленных 5 офицеров и 333 унтер-офицеров и рядовых.

Генерал Тормасов рапортует, что неприятель ретируется с великою поспешностию к Бресту-Литовскому. Арьергарды его настигаются легкою нашею конницею, [потеряли] убитыми до 2 000 и пленных более 500 человек. Корпус князя Шварценберга столь стеснен был при отступлении, что не имел времени присоединиться с отрядом генерал-майора Зигенталя [и Мора], коих наш авангард отрезывает и не допускает соединиться с главной армией...

...Генерал от кавалерии Платов доставил при рапорте отбитое у неприятеля Симферопольским конно-татарским полком церковное серебро весом около пуда.

Полковник князь Кудашев рапортует из Лопасни, что посланная от него партия встретила в селе Клеване, в 5 верстах от Лопасни, неприятеля, состоящего в пехоте и в коннице, прикрывавшего фуражиров, на коих казаки ударив, опрокинули и захватили 16 кирасир. Он доносит, что неприятель с некоторого времени становится весьма осторожен, и фуражиров не иначе посылает, как под прикрытием пехоты.

Ахтырского гусарского полка полковник Васильчиков доносит, что посланным от него штаб-ротмистром Вернером захвачен в 6 верстах вправо к селению Воронову неприятельский пикет.

Артиллерии капитан Фигнер, который всегда находится в самой близости неприятеля, доносит, что вчерашнего числа взято им 40 отменнейших артиллеристов и 2 офицера...

...Гвардейской артиллерии капитан Сеславин рапортует из деревни Смиглево, в четырех верстах от Каменного, что неприятельский обоз, из 300 подвод состоящий, выступил Можайской дорогою из села Везюмов к Боровской, под прикрытием 4-х полков кавалерии и 2-х батальонов пехоты с 8 орудиями. Капитан Сеславин, скрывшись в лесу, [пропустил] пехоту и часть кавалерии, на остальных же напад, много побил, и всех лошадей под артиллерию переколол и испортил упряжь.

Полковник князь Кудашев из Лопасни доносит, что, узнавши о движении неприятеля близ [Алферовой], отправился он туда с 300 донскими казаками; встретив направлявшегося к Серпуховской дороге неприятеля, в числе 1500 кавалерии, несмотря на несоразмерность сил, атаковал [его] с успехом и взял в плен 70 человек.

Генерал-майор Дорохов рапортует, что полковник князь Вадбольский, будучи извещен об отряде французской кавалерии, следовавшей в числе 500 человек к селу Каменскому, вероятно фуражировать, атаковал оных с кавалериюю, и невзирая на отчаянное сопротивление неприятеля, разбил его, положил на месте более 100 человек, взял в плен 4 офицера и 32 человека нижних чинов.

Генерал-адъютант Винценгероде доносит, что в продолжении сего времени его отряды по дорогам от Ярослава к Дмитрову, от Твери к Черной грязи, в окрестностях от Рузы до Москвы и по дороге от Смоленска между Можайском и Гжатью почти всегда с успехом тревожили и нападали на неприятельские аванпосты, квартиры и отряды, а 27-го сентября подполковник Чернозубов с 300 человек, посланных по большой дороге между Можайском и Гжатью, со

блистательною удачею истребил у неприятеля знатной конвой, захватил 14 обер-, 36 унтер-офицеров и 383 рядовых, убил такое же число и завладел большим числом экипажей. [Число] всех пленных, взятых в продолжение 3-х недель и отосланных уже в Тверь, простирается до 33 офицеров и 2 792 нижних чинов, не говоря о 250 человеках, захваченных по Ярославской дороге...

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 468–471)

ДОКУМЕНТ О ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ ФЁДОРА ПОТАПОВА
[Изгнание Наполеона из Москвы: Сб. док-тов и мат-лов. М., 1938. С. 105–106]

Федор Потапов, по прозвищу Самусь, гусар Елизаветградского полка, получа тяжелую рану в одном из арьергардных дел на Московской дороге, искал убежища в окрестных селениях. Крестьяне приняли и укрыли его в лесах.

Через несколько времени, чувствуя небольшое облегчение от ран и жалея, как он сам говорил, о ранах своего отечества и бедственной участи поселян, а более всего кипя негодованием на злочестивых врагов за оскорбление святыни, он сообщает чувства и намерения свои усердным крестьянам.

Многие пристают к нему. День ото дня число товарищей умножается, и, наконец, все они вместе, ополчась чем можно было, единодушно общим голосом избирают в начальники над собою храброго Самуся. Сия верная дружина дает присягу биться до смерти... и быть во всем послушною избранному начальнику. Таким образом составился отряд, который, несмотря на то, что ходил почти всякий день на сшибки с неприятелем, повседневно увеличивался, и, наконец, простирался уже до трех и более тысяч. Сии храбрые крестьяне более всего дорожили всякого рода оружием, которое старались доставать от убитых ими неприятелей.

В скором времени 200 человек оделись в латы французских кирасиров. Они достали даже и пушку! По справкам оказалось, что ополчение сие истребило более 3 тысяч французов.

Благоразумный Самусь ввел удивительный во всех подчиненных ему деревнях порядок. У него все исполнялось по знакам, которые подавались посредством колокольного звона и других условных примет. Часто с приближением неприятеля в превосходных силах по первому знаку все деревни становились пусты; другой знак вызывал опять поселян из лесов в дома. Различные маяки и звон в колокола разной величины возвещали, когда и в каком количестве, на лошадях или пешими идти на бой. Сими средствами, причиня величайший вред неприятелю, всегда неустрашимый и всегда бескорыстный Самусь сохранил почти все имущество храбрых своих крестьян, которые любили его, как отца, и боялись, как самого строгого начальника.

Генералы Милорадович и Ермолов, проходя с авангардом через селения, которых крестьяне подчинили себя храброму Потапову, отдали полную ему справедливость. Тогда же произведен он был в унтер-офицеры, и в то же время о дальнейшем награждении его сделано представление высшему начальству.

(Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 454–455)